

ЗАПИСКИ ПО ВОЕННОЙ ПЕДАГОГИКѢ

К. КИРКОВА.

ЧАСТЬ III. ВОЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

(Курсъ специальныхъ классовъ военнаго его царскаго величества училища).

(Перев. съ болгарскаго).

ВСТУПЛЕНІЕ.

ИЗначеніе нравственныхъ силъ бойца.

Изъ внутреннихъ силъ солдата самое главное значеніе имѣютъ его нравственныя силы. Это подтверждается какъ дѣйствіями великихъ полководцевъ и мнѣніями военныхъ писателей, такъ и историческими событіями.

Великіе полководцы всегда высоко цѣнили нравственныя силы солдата; они заботились больше всего объ ихъ развитіи и поддержаніи, и очень искусно пользовались ими на войнѣ и въ бою. *Наполеонъ*, чтобы пояснить значеніе нравственныхъ силъ бойца, сказалъ: «На $\frac{3}{4}$ побѣда зависитъ отъ нравственныхъ силъ и лишь на $\frac{1}{4}$ отъ матеріальныхъ».

Извѣстный военный писатель *Клаузевицъ* тоже утверждаетъ, что «нравственныя силы имѣютъ на войнѣ самое важное значеніе».

Съ другой стороны *исторія* свидѣтельствуетъ, что могущество народовъ основывалось на ихъ нравственныхъ силахъ; что народы завоеватели во всѣ времена, въ періодъ своего развитія и могущества, отличались отъ другихъ современныхъ имъ народовъ своей

необыкновенной нравственной силой; въ ней именно была вся тайна ихъ могущества; она имъ помогала побѣждать другіе народы и основывать на развалинахъ погибшихъ государствъ новыя. Исторія насъ учитъ еще и тому, что, когда у руководителей народа или въ самой его массѣ подорвутся *нравственные принципы*, когда любовь къ родинѣ замѣнится полнымъ равнодушіемъ къ ея судьбѣ и славѣ, когда жадное стремленіе къ наживѣ нечестными средствами охватитъ всѣхъ гражданъ: паденіе народа близко и неминуемо; такой народъ падетъ потому, что нравственныя основы его государственнаго и общественнаго организма подорваны.

Мало того: во многихъ отдѣльныхъ военно-историческихъ событіяхъ можно наблюдать, что даже случайное поднятіе нравственныхъ силъ у солдатъ вліяло на развитіе и исходъ боя и приводило къ побѣдѣ. Но, если иногда даже случайное поднятіе нравственныхъ силъ такъ рѣшительно вліяло на успѣхъ боя, ясно насколько болѣе успѣхъ можетъ быть обезпеченъ, если нравственное превосходство окажется слѣдствіемъ систематическаго воспитанія войскъ. Съ хорошо воспитанными и хорошо подготовленными войсками можно предпринимать самыя смѣлыя военныя операціи, можно совершать чудеса.

Итакъ, нравственныя силы бойца имѣютъ огромное значеніе. Въ бою никто не можетъ надѣяться на свои физическія и умственныя силы, если нѣтъ у него нравственныхъ побужденій, которыя бы могли направить всѣ наличныя физическія и умственныя силы къ достиженію побѣды, или если эти положительныя нравственныя побужденія развиты настолько слабо, что надъ ними берутъ верхъ инстинктъ самосохраненія и эгоистическія влеченія.

Можно даже сказать, что, если у солдата не развиты военныя добродѣтели, физическая сила и умъ его скорѣе помогутъ ему избѣжать связаннаго съ опасностями для жизни исполненія долга. *Слѣдовательно, прежде всего у солдата слѣдуетъ развивать его нравственныя силы.*

Но для того, чтобы выполнить съ успѣхомъ такую важную педагогическую работу, необходимо установить прежде всего идеаль военно-нравственнаго воспитанія, а затѣмъ найти средства для его достиженія. Вотъ почему та часть военной педагогики, которая занимается военно-нравственнымъ воспитаніемъ, распадается на два отдѣла: первый изъ нихъ устанавливаетъ, въ духѣ какихъ обязанностей слѣдуетъ воспитывать военнотружущихъ, а во второмъ отдѣлѣ разбираются разнообразныя воспитательныя

средства и способы их примѣненія. Первый отдѣлъ называется военной этикой, или *ученіемъ объ обязанностяхъ военнослужащихъ*, а второй *ученіемъ* о методахъ и средствахъ воспитанія.

О т д ѣ л ь I.

В О Е Н Н А Я Э Т И К А.

Общечеловѣческія обязанности устанавливаются наукой о нравственности—*этикой*. Обязанности, которыя военные уставы налагаютъ на военнослужащихъ, вытекаютъ изъ общечеловѣческихъ обязанностей. Каждый солдатъ есть прежде всего *человѣкъ*, который принадлежитъ къ извѣстной общественной средѣ; поэтому онъ подчиняется тѣмъ основнымъ правиламъ, которыя обязательны для всѣхъ нравственныхъ людей. Но того, что достаточно для другихъ людей, для солдата мало: какъ таковой онъ долженъ подчинять свое поведеніе и тѣмъ обязанностямъ, которыя ему предписываются основнымъ назначеніемъ войскъ—воевать. Однако, послѣднія обязанности отличаются отъ общечеловѣческихъ обязанностей не по своей *сущности*, а лишь по *степени*. Такъ, на примѣръ, подчиненіе солдата своимъ начальникамъ и подчиненіе каждаго человѣка старшимъ въ семьѣ или въ обществѣ разнится не по существу, а лишь по степени; подчиненіе солдата абсолютно и безпрекословно, а подчиненіе человѣка вообще условно. «Разница между военной и гражданской дисциплиной состоитъ въ силѣ ихъ напряженія, а не въ духѣ ихъ основъ» (генераль Драгомировъ).

Вотъ почему, передъ тѣмъ какъ разсматривать нравственныя обязанности военныхъ людей, надо изучить основныя начала общей этики.

Элементы нравственности.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ дѣлалась разница между *нравственнымъ* или добромъ, и безнравственнымъ или зломъ; человечество чувствовало потребность стремиться къ нравственному и избѣгать безнравственнаго.

Для того, чтобы человѣкъ могъ поступать нравственно, онъ долженъ быть способенъ: 1) различать добро отъ зла, т. е. *судить*, что слѣдуетъ считать нравственнымъ и что безнравственнымъ;

2) испытывать приятное душевное волнение отъ хорошаго поступка и непріятное отъ злого, т. е. любить добро и испытывать *отвращеніе отъ зла* и 3) стремиться къ добру и избѣгать зла.

Перечисленные три нравственныя способности человѣка отвѣчаютъ тремъ основнымъ элементамъ душевной жизни — уму, чувству и волѣ. Слѣдовательно, нравственность слагается изъ умственныхъ элементовъ, изъ элементовъ чувства и изъ волевыхъ элементовъ; если недостаетъ какого-нибудь изъ этихъ элементовъ, нравственность уже является неполной, несовершенной.

Центромъ нравственной природы человѣка можно считать умственный элементъ, т. е. *нравственныя истины*, нравственныя сужденія, посредствомъ которыхъ человѣческій духъ высказываетъ что онъ одни поступки считаетъ добрыми, а другіе злыми, такъ какъ раньше, чѣмъ любить добро и стремиться къ нему, надо умѣть его распознавать.

Долгъ. Умъ не только различаетъ добро отъ зла, но сознаетъ еще, что добро обязательно для каждаго человѣка, что стремленіе къ добру составляетъ его *нравственный долгъ*. Добро и долгъ нераздѣльны, какъ лицевая и оборотная стороны одной и той же ткани: все то, что добро, есть нашъ долгъ и, наоборотъ, все то, что составляетъ нашъ долгъ, есть добро; выражаясь точнѣе, можно сказать, что добро составляетъ основу долга.

Долгъ идеаленъ, безусловенъ и всеобщъ. Долгъ идеаленъ потому, что предлагаетъ свободу и обязуетъ, не принуждая.

Долгъ безусловенъ, потому что онъ не считается съ желаніями, страстями и интересами тѣхъ, кому повелѣваетъ. Наконецъ, долгъ всеобщъ, потому что налагается на всѣхъ людей, при одинаковыхъ условіяхъ, одинаково.

Совѣсть. Способность человѣческаго ума отличать добро отъ зла и признавать обязательность добра называется *совѣстью*, или нравственнымъ сознаніемъ. Согласно съ этимъ подъ «совѣстью» надо понимать:

1) тотъ внутренній голосъ, который предписываетъ что слѣдуетъ дѣлать и чего избѣгать, и 2) нравственную оцѣнку того, что уже совершено.

Нравственныя сужденія не остаются холодными и безстрастными утвержденіями; они волнуютъ наши чувства. Вотъ почему нравственность человѣка, какъ было сказано, проявляется не только въ нравственныхъ сужденіяхъ, но и въ извѣстныхъ пріятныхъ или му-

чительныхъ чувствахъ, называемыхъ *нравственными чувствами*.

Нравственные чувства бываютъ различны, смотря по тому, даемъ-ли мы оцѣнку своего или чужого поступка.

Чувства, возбуждаемыя нашими собственными поступками.
Изъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ сильнѣе всего ощущаются тѣ, которыя вызваны сдѣланнымъ нами добромъ или зломъ.

Сдѣланное добро вызываетъ въ насъ особое чувство довольства, преисполненное уваженія къ намъ самимъ, тихой благодарности и пріятной гордости. Это чувство называется нравственнымъ удовлетвореніемъ. Оно доставляетъ такую отраду, что въ состояніи само вознаградить насъ за любую перенесенную тягость и сдѣлать терпимой любую печаль.

Чувство, противоположное нравственному удовлетворенію, называется угрызениями совѣсти. Оно состоитъ въ негодованіи совѣсти за то, что человѣкъ не могъ устоять передъ искушеніемъ зла, и проявляется въ видѣ *мучительной скорби*. Угрызения совѣсти преслѣдуютъ также и не уличеннаго преступника и даже преступника, увѣреннаго въ своей безнаказанности. Слѣдовательно, человѣческая совѣсть есть природный судья, суда и наказанія котораго никому нельзя избѣжать.

Но, если человѣкъ *свыкъся* съ порокомъ, угрызения совѣсти могутъ ослабѣть и даже вовсе прекратиться.

Угрызения совѣсти могутъ привести къ раскаянію, которое мучительно, но не такъ, какъ угрызения: къ нему прибавляется сожалѣніе о сдѣланномъ злодѣянніи и *желаніе* не повторять его больше. Вотъ почему раскаяніе можетъ считаться почти что за добродѣтель.

Наши собственные поступки могутъ вызывать въ насъ еще чувства чести и стыда.

Чувства эти противоположны одно другому. Насъ охватываетъ чувство *чести*, когда мы совершили поступокъ, который насъ возвышаетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ и увеличиваетъ наше чувство собственного достоинства. И наоборотъ, мы испытываемъ чувство *стыда*, когда мы совершили поступокъ, который насъ унижаетъ не только передъ другими, но и въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Если совершенные поступки несутъ явные признаки душевной низости, чувство стыда переходитъ въ *чувство позора*. Каждое угрызение совѣсти сопровождается въ большей или меньшей мѣрѣ чувствомъ стыда.

Когда человекъ судить о своихъ собственныхъ поступкахъ, онъ иногда проникается уваженіемъ или презрѣніемъ къ *самому себѣ*. Эти чувства одного порядка съ тѣми чувствами уваженія и презрѣнія, которыя мы испытываемъ къ другимъ людямъ, почему они и будутъ разсмотрѣны вмѣстѣ съ послѣдними.

Чувства, возбуждаемыя чужими дѣлами. Когда мы обсуждаемъ чужіе поступки, въ насъ могутъ возбуждаться *симпатія, уваженіе, удивленіе и восторгъ* или же *презрѣніе, стремленіе укорять, возмущеніе и негодованіе*.

Симпатія есть расположеніе чувствовать ту же радость или то же страданіе, которыя волнуютъ другихъ людей, расположеніе какъ бы дѣлать эти чувства съ ними. Можетъ случиться, что человекъ сочувствуетъ (симпатизируетъ) людямъ съ дурными наклонностями, когда самъ имѣетъ таковыя же; но вообще люди сочувствуютъ, главнымъ образомъ, хорошимъ качествамъ и, наоборотъ, испытываютъ *антисимпатію* къ дурнымъ.

Уваженіе есть нравственное чувство, которое испытывается къ людямъ, проявившимъ извѣстныя добродѣтели и вообще хорошія качества. Если же уваженіе возбуждено высокими добродѣтелями или высокими умственными, и въ особенности нравственными достоинствами то оно называется почитаніемъ. Почитаніе это добровольно нами приносимая дань высокимъ и рѣдкимъ человеческимъ достоинствамъ.

Въ случаѣ проявленія геройства, къ почитанію присоединяются удивленіе и восторгъ (энтузіазмъ).

Удивленіе есть чувство, которое вызывается въ насъ всѣмъ, что велико и ново. Оно называется восторгомъ (энтузіазмомъ), когда оно захватываетъ все наше существо.

За дурные поступки мы укоряемъ, а къ преступнымъ и возмутительнымъ чувствуемъ отвращеніе. Отвращеніе непосредственно переходитъ въ презрѣніе, которое мы испытываемъ къ лицу, совершившему низкій, гнусный поступокъ.

Добрая воля.—Третій элементъ нравственности составляетъ воля, или скорѣе—*добрая воля*, т. е. та, которая заставляетъ насъ исполнять свой долгъ. Добрая воля столь же необходима, какъ и другіе элементы нравственности, такъ какъ недостаточно познавать и любить добро, а нужно желать его, стремиться къ нему и совершать его.

Основа нравственности.

Что такое добро?—Какъ было уже сказано, центромъ нравственной природы человѣка надо признать его способность распознавать добро и зло; потому что, если не понимать, что такое добро, то нельзя его и дѣлать. Но спрашивается: что такое *добро*, какъ его узнать?

Что понятіе добра не такъ ясно въ нашемъ умѣ, какъ, напримеръ, ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ (краски, звуки и др.), видно уже потому, что въ разные времена понятія о томъ, что такое добро, были разными.

И дѣйствительно были люди, претендовавшіе на то, чтобы ихъ считали философами (*Аристиппъ Киренскій* ¹⁾, *Шарль Фурье* ²⁾ и др.), которые говорили, что добро есть все то, что доставляетъ намъ *наслажденіе, удовольствіе*, и что, слѣдовательно, у человѣка нѣтъ другого долга, кромѣ стремленія доставлять себѣ возможно больше удовольствій, предпочитая всегда болѣе доступныя и болѣе вѣрныя отдаленнымъ и сомнительнымъ; ихъ ученіе, названное теоріей наслажденія, не вѣрно по многимъ причинамъ. Прежде всего, постоянное удовольствіе ослабляетъ организмъ и дѣлаетъ человѣка безвѣчнымъ, распушеннымъ и неспособнымъ бороться съ трудностями жизни; постоянное стремленіе къ удовольствіямъ понизило бы духовный уровень человѣчества, заставило бы забыть всякіе идеалы и выдвинуло бы на первый планъ заботы о настоящей минутѣ.

Гораздо большее значеніе имѣетъ ученіе тѣхъ философовъ (*Эпикуръ* ³⁾, *Бентамъ* ⁴⁾, *Стюартъ Милль* ⁵⁾, *Гербертъ Спен-*

1) *Аристиппъ Киренскій* греческій философъ IV столѣтія до Р. Хр.; основатель Киренской школы, учившей, что счастье человѣка заключается въ тѣлесныхъ наслажденіяхъ.

2) *Шарль Фурье* (1772—1837) французъ, утопистъ временъ великой революціи.

3) *Эпикуръ* (341—270 до Р. Хр.) знаменитый греческій философъ, который училъ, что цѣль жизни человѣка составляетъ удовольствіе, но удовольствіе устойчивое и хорошо понятое. А хорошо понятымъ удовольствіемъ онъ считалъ удовольствіе, которое происходитъ отъ культуры ума и отъ добродѣтельныхъ поступковъ. Поэтому его ученіе очень разнится отъ ученія Киренской школы. Но вслѣдствіе неправильнаго перетолкованія, понятіе объ удовольствіи ученія Эпикура смѣшалось съ понятіемъ о низкихъ плотскихъ удовольствіяхъ, такъ что въ настоящее время «эпикурейцемъ» называютъ человѣка, потонувшего въ плотскихъ удовольствіяхъ.

4) *Бентамъ* (1748—1832)—англійскій публицистъ и философъ права.

5) *Джонъ Стюартъ Милль* (1806—1873)—англійскій экономистъ и философъ. Самые замѣчательныя его сочиненія: *Система логики. Принципы политической экономіи. Утилитаризмъ* и пр.

серь ⁶⁾ и др.), которые учатъ, что добро все то, что *полезно*. Ученіе этой школы извѣстно подъ названіемъ утилитаризма, а самые философы называются *утилитаристами*. Ихъ ученіе имѣетъ ту же основу, что и теорія наслажденія, потому что и оно признаетъ, что человѣкъ долженъ стремиться къ тому, что пріятно; но въ немъ дѣлается разница между наслажденіями, которыя сохраняютъ организмъ, и наслажденіями, которыя его разрушаютъ; между наслажденіями прочными и кратковременными; между наслажденіями духовными, возвышенными и наслажденіями тѣлесными, низменными.

Проведеніе въ жизнь этого различія предполагаетъ работу (проявленіе) высшихъ человѣческихъ способностей — сообразительности, осторожности, предусмотрительности, постоянства и пр. И дѣйствительно утилитаристъ не набрасывается на любое удовольствіе, которое ему попадается, а дѣлаетъ оцѣнку его послѣдствій и въ зависимости отъ этой оцѣнки стремится къ достиженію его или же совсѣмъ воздерживается отъ него. Чтобы достигнуть болѣе прочныхъ и плодотворныхъ удовольствій въ будущемъ, онъ жертвуетъ даже ближайшими, если они скоропроходящи и не прочны. На вопросъ о томъ, почему люди часто жертвуютъ своею личною пользою ради общественной, утилитаристы отвѣчаютъ, что и это происходитъ изъ корыстныхъ побужденій: человѣкъ отождествляетъ свои интересы съ интересами общества и, жертвуя своими ради общественныхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдуетъ свои личные интересы, такъ какъ онъ сознаетъ, что безъ обезпеченія общихъ интересовъ и его интересы останутся необезпеченными. Въ этомъ именно и заключается слабая сторона этого ученія. Правда, когда обыкновенные люди заботятся объ общемъ благѣ, они имѣютъ въ виду и то, что содѣйствуетъ ихъ личному благосостоянію; по отношенію къ солдатамъ можно использовать это положеніе, обращая вниманіе ихъ на то, что, охраняя отечество и сражаясь за него, они охраняютъ свою семью и самихъ себя. Но нравственность не можетъ довольствоваться только этимъ. Развѣ тотъ, кто жертвуетъ своею жизнью съ какой нибудь возвышенной цѣлью, дѣлаетъ это съ расчетомъ? Какъ можно поддерживать взглядъ, что человѣкъ жертвуетъ собою для охраненія своихъ интересовъ,

⁶⁾ *Гербертъ Спенсеръ* современный англійскій философъ, авторъ многочисленныхъ и высокоцѣнныхъ трудовъ: „*Принципы біологіи*“, „*Принципы психологіи*“, „*Принципы социологіи*“, „*Принципы ученія о нравственности*“, „*Введеніе въ социальную науку*“. „*Опытъ ученія о воспитаніи*“ и пр., и пр. Имъ разработано ученіе объ эволюціи.

когда со своею смертию онъ теряетъ все земное! Ясно, что здѣсь дѣйствуютъ другія побужденія, а не одно стремленіе охранять свои интересы; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *добромъ*, нѣсколько отличнымъ отъ простой пользы.

Извѣстный экономистъ *Адамъ Смитъ* ⁷⁾ училъ, что добро— все то, что вызываетъ въ человѣкѣ симпатію. Значитъ, согласно съ его ученіемъ, мы познаемъ добро не умомъ, а чувствомъ. Къ однимъ поступкамъ и качествамъ человѣкъ имѣетъ симпатію, а къ другимъ нѣтъ: первые именно и называются добрыми, а вторые злыми. Но и это ученіе неосновательно. Какъ уже было сказано, человѣкъ можетъ имѣть симпатію и къ дурнымъ поступкамъ; на-примѣръ, разбойники сочувствуютъ одинъ другому. При томъ, сознаніе добра и зла идетъ всегда *впереди* чувства, а не вслѣдъ за нимъ: добро есть добро не потому, что мы его любимъ, а наоборотъ, *мы любимъ его потому, что оно есть добро*.

Въ сущности, добро есть все то, въ чемъ человѣкъ проявляетъ совершенство, высоту (превосходство) и разумную волю. Наслажденіе и пользу можно разсматривать какъ добро лишь въ томъ случаѣ, если они не идутъ въ разрѣзъ съ человѣческимъ совершенствомъ. Лишь идейныя, возвышенныя наслажденія, которыя намъ доставляетъ искусство, можно принимать за нравственное добро. Точно также общественная польза есть добро, потому что въ стремленіи къ ней сказывается совершенство, превосходство человѣка надъ другими существами. Чѣмъ больше въ данномъ поступкѣ проявляется свободы и разума, тѣмъ онъ возвышеннѣе и тѣмъ болѣе приближается къ добру. Такимъ образомъ истинное добро состоитъ въ предпочтеніи, которое мы отдаемъ всему, что стоитъ выше, передъ тѣмъ, что ниже, какъ то: *душевнымъ благамъ передъ тѣлесными, человѣческому достоинству передъ подчиненіемъ животнымъ страстямъ, благороднымъ чувствамъ передъ наклонностями низкаго эгоизма*.

Нравственное добро получаетъ разныя названія въ зависимости отъ различныхъ отношеній, которыя мы принимаемъ въ соображеніе; на-примѣръ: когда добрые поступки разсматриваются въ ихъ отношеніи къ личностямъ, на которыя они направлены, они называются справедливыми; иными словами, къ добру относится

⁷⁾ *Адамъ Смитъ* (1723—1790)—Знаменитый шотландскій экономистъ, авторъ сочиненія „*Свойства и причины народныхъ богатствъ*“, въ которомъ впервые политическая экономія является, какъ наука.

все справедливое; когда мы рассматриваемъ добрые поступки въ ихъ отношеніи къ самой дѣйствующей личности, мы называемъ ихъ честными; къ добру относится все честное и т. п.

Но въ какой бы формѣ ни выражалось нравственное добро, оно всегда должно имѣть слѣдующія свойства:

1) Какъ уже было сказано, добро *обязательно*, т. е. оно таково, что разъ человѣкъ постигъ его своимъ умомъ, онъ считаетъ своимъ *долгомъ* выполнить его.

2) Кромѣ того, разъ человѣкъ выполнилъ его свободно и съ полнымъ сознаниемъ, онъ понимаетъ, что этимъ онъ увеличилъ свое *достоинство*; а разъ сдѣлалъ что нибудь дурное, онъ сознаетъ, что умалилъ свое достоинство, что онъ *виновенъ*. Достоинство и виновность чувствуются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ важнѣе былъ исполненный или неисполненный долгъ, хорошій или злой поступокъ.

Добродѣтель.

Человѣкъ, совершая отдѣльныя добрыя дѣла, выказываетъ свое достоинство, но когда его склонность дѣлать добро проявляется постоянно, человѣкъ выказываетъ особое достоинство и называется *добродѣтельнымъ*. Въ зависимости отъ этого, *добродѣтель есть постоянное исполненіе долга*.

Добродѣтель, какъ и добро, опредѣлялась разными философами различно. Такъ, напримѣръ, Кантъ ⁸⁾ опредѣляетъ ее, какъ *послушаніе повеленіямъ разума*. Такое опредѣленіе надо признать правильнымъ, потому что въ добродѣтели несомнѣнно содержится послушаніе разуму, но это опредѣленіе не полно. И дѣйствительно, когда человѣкъ дѣйствуетъ, онъ бываетъ поставленъ между разумомъ и чувствами, которыя вліяютъ на него не одинаково: чувства его увлекаютъ, а разумъ даетъ свою заповѣдь, принимая повелительную форму; послушаніе велѣніямъ разума есть добродѣтель. Но, требуя послушанія приказаніямъ разума, Кантъ понимаетъ, что въ этомъ послушаніи не должно быть *никакого участія чувства*; онъ требуетъ послушанія только потому, что *приказано*. А истинной добродѣтели незачѣмъ быть такимъ холоднымъ послушаніемъ. Человѣкъ врядъ ли можетъ быть добродѣтельнымъ безъ всякой любви къ

⁸⁾ *Кантъ* (1724—1804)—знаменитый нѣмецкій философъ, жившій въ Кенигсбергѣ, авторъ трехъ высокоцѣнныхъ сочиненій: «Критика чистаго разума», «Критика практическаго разума» и «Критика способности сужденія».

добрѣ, да и кромѣ того нравственное совершенство не относится безразлично къ исполненію повелѣній разума. Добро не есть только повелительный принципъ; оно есть принципъ любви и восторга. Совершенно вѣрно, что послушаніе есть основное условіе добродѣтели; но послѣдняя была бы неполной безъ живой любви къ добру.

Много ближе къ правдѣ Аристотель ⁹⁾, говоря, что добродѣтель тотъ человѣкъ, который находитъ удовольствіе поступать добродѣтельно. Онъ правъ также, говоря, что добродѣтель *заключаетъ въ себѣ привычку слушаться разума*. И дѣйствительно, отдѣльное дѣйствіе можетъ быть добрымъ, но это еще не добродѣтель; точно также расположеніе дѣлать время отъ времени нѣчто доброе, также не добродѣтель, потому, что въ такомъ случаѣ всѣ люди были бы добродѣтельными. *Необходимо постоянное расположеніе дѣлать добро, сопровождаемое добрыми дѣлами*; иными словами нуженъ *навыкъ*. Но послѣднее нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что добродѣтеленъ каждый, кто всегда, какъ машина, дѣлаетъ одно и то же, не отдавая себѣ отчета въ мотивахъ своихъ дѣйствій. Это уже будетъ не добродѣтель, а ея тѣнь. Истинная добродѣтель предполагаетъ *полное сознаніе того, что человѣкъ дѣлаетъ*. А чтобы дойти до навыка въ исполненіи своего долга, безъ сомнѣнія, нужно, чтобы человѣкъ боролся съ собой для постоянного подчиненія себя требованіямъ долга.

Отвѣтственность.

Такъ какъ человѣкъ разумное существо и свободенъ поступать или не поступать сообразно съ долгомъ, то онъ обязанъ давать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Но изъ того, что отвѣтственность основана на свободѣ и разумности—ясно слѣдуетъ, что человѣкъ отвѣтственъ лишь за тѣ поступки, которые онъ совершилъ

⁹⁾ *Аристотель* (384—322)—ученѣйшій изъ классиковъ. Онъ родился въ Стагирѣ, въ Македоніи, сынъ доктора. Царь Филиппъ Македонскій пригласилъ его въ учителя своему сыну Александру, будущему великому полководцу. Аристотель учился въ Аѣнахъ у знаменитаго философа Платона, а впоследствии основалъ свою философскую школу. Онъ зналъ всѣ науки своего времени и написалъ много сочиненій, между которыми наиболѣе замѣчательныя: *«Метафизика, Физика, Логика, Психологія, Этика, Политика и Экономика»*. Въ средніе вѣка его теоріи были положены въ основу схоластическихъ и теологическихъ наукъ. Но и въ настоящее время, чѣмъ болѣе ученые изучаютъ Аристотеля, тѣмъ болѣе удивляются вѣрности его взглядовъ и глубинѣ его мыслей.

свободно и сознательно; только такія дѣла ему могутъ вмѣняться въ достоинство или въ вину.

Отвѣтственность обусловлена слѣдующими положеніями: 1) долженъ существовать законъ, нарушение котораго запрещено; 2) законъ долженъ быть извѣстенъ тому, отъ кого требуется его исполненіе и 3) дѣйствующее лицо должно быть свободно, т. е. оно должно имѣть возможность по своей волѣ подчиняться или не подчиняться закону.

Существованіе закона есть необходимое условіе; при отсутствіи закона дѣйствія становятся безразличными, а нравственная оцѣнка произвольной.

Сюда относятся не только общіе законы, но и правила зависимостей и отношеній, которыя, хотя бы временно, налагаются въ жизни человѣка его званіемъ, чиномъ и общественнымъ положеніемъ. Поэтому каждый отвѣтственъ предъ своими начальниками, предъ старшими и предъ всѣми, въ зависимость отъ которыхъ поставила его судьба. Разъ зависимость перестала существовать, прекращается и связанная съ ней отвѣтственность.

Но недостаточна одна наличность закона, который бы приказывалъ дѣлать одно и воспрещалъ дѣлать другое; нужно еще, чтобы этотъ законъ былъ всѣмъ извѣстенъ. Точно также необходимо, чтобы были извѣстны, кому слѣдуетъ, тѣ зависимости и тѣ отношенія, которыя налагаютъ на него извѣстныя обязанности; человѣкъ не можетъ быть отвѣтственъ за нарушеніе неизвѣстныхъ ему законовъ, зависимостей и отношеній точно такъ же, какъ онъ не можетъ быть отвѣтственъ за нарушеніе переданныхъ ему приказаній.

Мы можемъ быть отвѣтственны лишь за такіе поступки, о которыхъ заранѣе знали, что они хороши или дурны, разрѣшены или запрещены.

Наконецъ, для того, чтобы быть отвѣтственнымъ, какъ нравственная личность, человѣкъ *долженъ быть* свободнымъ настолько, чтобы отъ него зависѣло дѣйствовать такъ или иначе. Если принять, какъ дѣлаютъ нѣкоторыя религіи, что существуетъ *судьба, фатумъ*, т. е. что каждому предопредѣлена неизмѣнная участь, которая господствуетъ надъ волей и направляетъ человѣческія дѣйствія, то необходимо также допустить, что *человѣкъ лишенъ свободы* въ своихъ дѣйствіяхъ; это исключало бы всякую отвѣтственность.

Итакъ, человѣкъ отвѣтственъ постольку, поскольку существуетъ законъ, поскольку человѣкъ свободенъ и поскольку ему извѣстенъ законъ (или его зависимость отъ кого-нибудь, отданныя ему приказанія).

Разъ указанные условія измѣнятся, измѣняется и сама отвѣтственность. Отсюда слѣдуетъ, что:

1) *Идиотизмъ, сумасшествіе и потеря сознанія, въ случаѣ тяжелой болѣзни*, уничтожаютъ почти всегда послѣднія два условія, а именно разсудительность и свободную волю, и вслѣдствіе этого отнимаютъ всякій нравственный характеръ у совершенныхъ дѣйствій; при такомъ состояніи для человѣка нѣтъ нравственной отвѣтственности.

2) *Пьянство*, хотя и считается ненормальнымъ состояніемъ, при которомъ разумъ и воля обезсилены страстью, все же не можетъ освободить человѣка отъ отвѣтственности, потому что съ одной стороны онъ отвѣтственъ за самый фактъ пьянства; съ другой же, онъ знаетъ, что, предаваясь пьянству, подвергаетъ себя извѣстнымъ послѣдствіямъ; слѣдовательно онъ молча ихъ принимаетъ на себя.

3) Человѣкъ не можетъ быть отвѣтственъ за дѣйствіе, которое ему было *абсолютно невозможно* выполнить или не выполнить. Однако, эта «невозможность» не всегда можетъ быть правильно оцѣнена; это понятіе растяжимо. Такъ, на примѣръ, въ военномъ дѣлѣ самыя неодолимыя препятствія становятся преодолимыми, если будетъ приложено чрезвычайное волевое усиліе со стороны отдѣльныхъ людей, или всей части и ея начальника. Вотъ почему въ военномъ дѣлѣ «невозможное» находится въ очень узкихъ рамкахъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ оно можетъ служить оправданіемъ неточнаго и несвоевременнаго исполненія приказаній начальника. А если подчиненный самовольно поставитъ себя въ невозможность дѣйствовать и такимъ образомъ уклонится отъ исполненія закона или даннаго ему приказанія, то отвѣтственность съ него не снимается. Такъ, на примѣръ, солдатъ, который совершаетъ членовредительство съ цѣлью уклониться отъ дальнѣйшей военной службы, или же наносить себѣ легкое пораненіе съ цѣлью покинуть строй, долженъ отвѣчать за свои поступки.

4) *Человѣкъ отвѣтственъ за тѣ событія, которыя происходятъ въ кругу его дѣятельности, а также за ихъ послѣдствія, если онъ, по небрежности, не проявляетъ своей власти или распорядительности для избѣжанія дурныхъ послѣдствій.* Этотъ

критерій примѣняется къ отвѣтственности начальниковъ за всѣ явленія и событія, которыя происходятъ въ частяхъ, имъ подчиненныхъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Подобныя явленія могутъ быть вызваны или *неприятелемъ*, или разными обстоятельствами въ *средѣ* войскъ, или *внѣшними причинами* (эпидеміей, морозами, непогодой и пр.).

Такъ, на примѣръ, начальникъ отвѣтственъ за то, что не принялъ необходимыхъ мѣръ для охраненія и развѣдки, или вообще для устраненія всего того, что можетъ угрожать его части; онъ отвѣтственъ за успѣшное выполненіе маневра или за исходъ боя; начальникъ является отвѣтственнымъ точно также, если онъ не принялъ мѣръ противъ распространенія эпидемическихъ заболѣваній, противъ паденія дисциплины въ части и т. д.

5) Человѣкъ не отвѣчаетъ за дѣйствія, совершенныя по приказанію лица, которому онъ подчиненъ.

Настоящій принципъ примѣняется въ арміи по отношенію ко всѣмъ *подчиненнымъ*. Согласно съ нимъ, подчиненный не отвѣчаетъ за совершенное имъ дѣйствіе и за его послѣдствія; отвѣчикомъ является его начальникъ, который, въ силу законнаго права повелѣвать, отдалъ приказаніе. Но неответственность подчиненнаго имѣетъ свою границу: подчиненный отвѣчаетъ вмѣстѣ съ начальникомъ, приказавшимъ совершить дѣяніе *явно преступное* (нарушить клятву, украсть и пр.).

6) Но если дѣйствіе было совершено по принужденію, трудно опредѣлить, отвѣтственъ совершившій его или нѣтъ, такъ какъ несомнѣнно, что человѣкъ отвѣчаетъ только за свои свободныя дѣйствія. Принужденіе можетъ быть *физическимъ* и *моральнымъ*.

Если принужденіе было чисто физическимъ, такъ что внѣшняя матеріальная сила сама причинила преступное дѣйствіе, очевидно, что тутъ нѣтъ отвѣтственности. Въ данномъ случаѣ непосредственный исполнитель послужилъ лишь орудіемъ, вопреки своей волѣ.

Если же принужденіе было только моральное, т. е. если оно состояло въ *запугиваніи* зломъ или насиліемъ, исполнитель не можетъ считаться совсѣмъ неответственнымъ, потому что его воля могла бы всегда сопротивляться подобному принужденію, не поддаваясь ему окончательно. Конечно, чѣмъ больше насиліе или зло, тѣмъ больше будетъ проявлено героизма, если воля не подчинится ему; въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто обстоятельство, смягчающее отвѣтственность, но не полное оправданіе. Такъ, на примѣръ, опасность быть убитымъ въ бою не можетъ оправдать дезертира; чис-

ленное превосходство противника не может послужить оправданіемъ за малодушное оставленіе позиціи менѣ сильнымъ отрядомъ и др.

7) Точно также трудно опредѣлить наличность отвѣтственности, когда дѣйствія совершены по незнанію или невольно.

Полное и невольное незнаніе освобождаетъ отъ отвѣтственности; но такъ какъ очень трудно опредѣлить, когда незнаніе бываетъ полнымъ и невольнымъ, то опасно признать неотвѣтственность по незнанію или по невольности безусловнымъ принципомъ. Въ общественной жизни признается необходимымъ считать, что *никто не можетъ оправдываться незнаніемъ закона*. Еще менѣе допустимо вольное незнаніе; такъ, напримѣръ, нельзя оправдать судью за незнаніе законовъ, которые онъ долженъ прилагать; точно также военный начальникъ не можетъ быть неотвѣтственнымъ, если не далъ себѣ труда изучить законы того искусства, которому онъ служить, или той дѣятельности, которая на него возложена.

8) Человѣкъ можетъ быть отвѣтственъ и за чужія дѣйствія. Въ принципѣ, конечно, каждый отвѣчаетъ только за свои собственные поступки. Но человѣческія дѣйствія связаны одни съ другими и можетъ случиться, что данное лицо принимаетъ прямое или косвенное участіе въ поступкѣ другихъ. Такъ, напримѣръ, начальникъ отвѣтственъ до извѣстной степени за поступки своихъ подчиненныхъ; кромѣ того каждый человѣкъ отвѣтственъ за преступныя дѣйствія, которыя онъ могъ предупредить и не предупредилъ по небрежности, изъ лѣни или изъ какихъ нибудь низкихъ побужденій. Напримѣръ, солдатъ отвѣчаетъ, если онъ оставилъ своего товарища въ безпомощномъ состояніи, когда онъ имѣлъ возможность помочь ему или спасти его. Каждый начальникъ отвѣчаетъ за пораженіе сосѣднихъ съ нимъ частей и за всѣ послѣдствія этого пораженія, если онъ не оказалъ имъ во время помощи, когда имѣлъ возможность это сдѣлать и пр. Наконецъ, человѣкъ отвѣтственъ за дѣйствія другихъ въ случаѣ, когда онъ является подстрекателемъ, или хотя бы тогда, когда онъ лишь одобряетъ ихъ поступки.

9) Когда преступное дѣйствіе совершено совмѣстно, и отвѣтственность бываетъ *совмѣстной* и раздѣляется всѣми участниками сообразно съ размѣромъ ихъ участія въ преступленіи.

Обеспеченіе исполненія долга.

Обыкновенно подъ понятіемъ обеспеченія закона подразумеваются тѣ наказанія, или награды, которыя предусматриваются въ законѣ, съ цѣлью заставить тѣхъ, къ которымъ законъ относится, исполнять его. Въ такихъ случаяхъ обеспеченіе является лишь *средствомъ*, которое законодатель примѣняетъ для того, чтобы законъ почитался.

Нравственный законъ, который насъ обязуетъ дѣлать добро, отнюдь не принуждая, не былъ бы закономъ, если бы его исполненіе не было обеспечено. И онъ также *нуждается въ средствахъ, чтобы заставить людей почитать его.*

Обеспеченіе бываетъ разныхъ видовъ: *легальное, общественное, внутреннее* и въ видѣ обеспеченія *посредствомъ естественныхъ послѣдствій.*

Легальное обеспеченіе. Такъ называются узаконенныя наказанія и награды, посредствомъ которыхъ съ одной стороны преслѣдуется порокъ, а съ другой—предписывается почитаніе добродѣтели. Специальные законы (общіе и военные уголовные законы) скорѣе караютъ, чѣмъ награждаютъ, потому что *страхъ наказанія* достаточенъ для исполненія ихъ. Что касается характера наказаній, онъ всегда зависитъ отъ большей или меньшей культурности общества: при грубыхъ нравахъ и наказанія бывали грубыми, а при болѣе утонченныхъ нравахъ и наказанія бываютъ болѣе мягкими. Но одними наказаніями и наградами нельзя обеспечить исполненія всѣхъ *требованій дома*, такъ какъ многія преступленія *остаются скрытыми* и многіе преступники *ненаказанными.*

Общественное обеспеченіе заключается въ мнѣніяхъ и воздѣйствіяхъ общества, среды. И, дѣйствительно, общественное мнѣніе награждаетъ честныхъ людей *симпатіей, уваженіемъ* и *почетомъ*, и наказываетъ безчестныхъ *порицаніемъ, отвращеніемъ, презрѣніемъ.* Эти награды и наказанія отличаются отъ законодательныхъ; тѣмъ не менѣе ими во многихъ случаяхъ останавливаются проявленія зла, которыя законъ могъ бы пропустить. Но и это обеспеченіе нравственнаго закона имѣетъ очень большіе недостатки. Съ одной стороны общественное мнѣніе часто впадаетъ въ ошибки и заблужденія, такъ какъ оно увлекается главнымъ образомъ видимыми проявленіями, не вникая въ скрытую глубину челоѳческой воли. Съ другой стороны, общественнымъ мнѣніемъ доро-

жить тотъ, кто меньше всего нуждается въ контролѣ, тогда какъ закоренѣлый преступникъ мало интересуется тѣмъ, что общество его осуждаетъ или выражаетъ ему свое неуваженіе.

Внутреннее обезпеченіе дается нашей совѣстью. Каждый человѣкъ имѣетъ въ самомъ себѣ невидимаго судью, который его награждаетъ или караетъ. Предъ этимъ постояннымъ, справедливымъ и просвѣщеннымъ судьей получаютъ оцѣнку всѣ наши дѣйствія, даже помыслы. Но какъ бы велики ни были сила и авторитетъ совѣсти, не трудно понять, что и они имѣютъ свои *границы и несовершенства*. Чувствительная совѣсть мучается отъ сознанія малѣйшей невольной ошибки, тогда какъ *отупѣвшая, потасканная совѣсть*, которая сжилась со зломъ, врядъ ли чувствуетъ какое нибудь мученіе. Чѣмъ больше человѣкъ привыкъ къ преступленіямъ, тѣмъ нечувствительнѣе онъ бываетъ къ протестамъ совѣсти.

Обезпеченіе посредствомъ естественныхъ послѣдствій. Само собою, безъ вмѣшательства какой бы то ни было чужой силы, нѣкоторое обезпеченіе нравственнаго закона дается самими послѣдствіями нашихъ поступковъ. Человѣческая жизнь полна примѣровъ, доказывающихъ, что существуетъ какое то естественное правосудіе, которое насъ караетъ за наши грѣхи и награждаетъ за сдѣланное добро. Такъ, напримѣръ, трезвый человѣкъ, ведя во всемъ умѣренную жизнь, сохраняетъ свое здоровье и свои силы, тогда какъ неумѣренный разстраиваетъ свое здоровье и навлекаетъ на себя болѣзни, истощеніе и даже преждевременную смерть. Поступки добродѣтельнаго человѣка обезпечиваютъ ему признательность другихъ людей: за его добрыя дѣла послѣдніе ему платятъ тѣмъ же.

Естественныя послѣдствія человѣческихъ поступковъ являются важнымъ обезпеченіемъ нравственнаго долга. Но и они, сами по себѣ, не вполне достаточны, такъ какъ имѣютъ значеніе главнымъ образомъ для *благоразумныхъ* людей, а извѣстно, что далеко не всѣ люди благоразумны.

Итакъ разные виды обезпеченія исполненія долга—наказанія и награды, общественное мнѣніе, совѣсть, естественныя послѣдствія—въ отдѣльности являются слабыми; но такъ какъ всѣ они дѣйствуютъ вмѣстѣ, получается достаточное обезпеченіе исполненія нравственнаго долга.

Нравственная оценка войны.

Назначение войскъ, а слѣдовательно и солдата—*воевать*. Многосторонняя подготовка войскъ имѣеть лишь одну *конечную цѣль*— войну. Поэтому, при разсмотрѣніи военно-нравственныхъ обязанностей, эта конечная цѣль принимается за *исходный пунктъ*. По здѣсь напрашивается вопросъ: представляетъ ли война сама по себѣ явленіе нравственное? Можно ли оправдать съ нравственной точки зрѣнія подготовку войскъ къ войнѣ? Въ своей сущности содержитъ ли война элементы *добра*? Если нѣтъ, то намъ нельзя ставить *веденіе войны* конечной цѣлью подготовки войскъ и ничѣмъ нельзя оправдать подготовку войскъ къ войнѣ.

Многіе философы, ученые, поэты и художники осуждали войну, признавая ее противной христіанской нравственности, противорѣчащей научнымъ положеніямъ социологіи и совершенно несомѣстимой съ интересами культурнаго прогресса человѣчества. Таковы *Бокль*¹⁰⁾, *Кантъ*, *Д. С. Милль*, *Спенсеръ*, *Л. Н. Толстой*¹¹⁾ и друг.). Но есть и такіе, которые не только оправдывали войну, но придавали ей нравственный обликъ и даже восхищались ею (напримѣръ: *Прудонъ*¹²⁾, *Гегель*¹³⁾ и др.). Аргументы послѣднихъ сводились къ двумъ положеніямъ: 1) *война неизбежна*; она существовала вездѣ и всегда, какъ проявленіе всемірнаго закона «борьбы за существованіе», и 2) *война необходима*, такъ какъ она, подобно бурѣ, очищаетъ общественную атмосферу и воскрешаетъ забытыя добродѣтели: мужество, солидарность, самопожертвованіе и стремленіе къ идеалу.

Нѣсколько шире и спокойнѣе смотритъ на тотъ же вопросъ русскій генераль *Лееръ*¹⁴⁾.

«Война можетъ казаться исключительнымъ зломъ только тѣмъ,

¹⁰⁾ *Бокль* (1826—1863)—знаменитый англійскій историкъ; авторъ *Исторіи цивилизаціи Англій*, въ которой выводится зависимость умственнаго и нравственнаго прогресса народовъ отъ физическихъ условий ихъ жизни.

¹¹⁾ *Л. Н. Толстой* (1828—1910)—знаменитый русскій писатель.

¹²⁾ *Прудонъ* (1809—1865)—знаменитый французскій социалістъ, авторъ книги «*La raiх et la guerre*», которая есть дѣлая аналогія войны.

¹³⁾ *Гегель* (1770—1831)—знаменитый нѣмецкій философъ, извѣстный и въ области педагогикки. Главное его сочиненіе: «*Феноменологія духа*».

¹⁴⁾ *Лееръ*—извѣстный военный писатель. Его труды: «*Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны*», «*Прикладная тактика*». «*Стратегія*» и др. высокоцѣнные военныя сочиненія.

кто смотритъ на нее съ узкой точки, кто изъ жизни народа выхватываетъ только періодъ войны; тотъ дѣйствительно увидитъ только кровопролитіе и разрушеніе, гибель отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ. Но взгляните пѣсколько шире на дѣло, возьмите періодъ въ жизни народа непосредственно передъ войной и непосредственно послѣ войны, т. е. взгляните на дѣло и съ другой стороны; съ перваго же взгляда станетъ ясно, какой громадный шагъ впередъ сдѣлалъ народъ въ дѣлѣ внутренняго развитія, съ какой успѣшностью правительство озабочено устраненіемъ того или другого недостатка во внутреннемъ устройствѣ государства, подмѣченнаго во время войны; короче, васъ поразитъ рядъ реформъ капитальной важности, непосредственно слѣдующихъ обыкновенно за каждою войною, о которыхъ и не подумали бы до войны»...

«Нѣтъ сомнѣнія, что желательнo было бы на пути къ цивилизаціи и улучшенію матеріальнаго благосостоянія народовъ обходиться безъ войны. Сочувствуя вполне этому стремленію и не отчаяваясь въ томъ, что рано или поздно *эта сегодняшняя мечта обратится въ отдаленномъ завтра въ фактъ* — отрицать это значило бы отрицать законъ вѣчнаго прогресса, — исторія всего человѣчества и даже простой взглядъ на настоящее убѣждаетъ насъ, что мы еще далеко отъ того періода, когда человѣкъ найдетъ возможнымъ отказаться отъ войны».

«Итакъ, война есть явленіе весьма естественное въ жизни народовъ — борьба лежитъ въ основаніи всего живущаго, — которое, хотя и имѣетъ свою широкую злую сторону, но которое, въ концѣ концовъ, при благоразумномъ орудованіи этимъ средствомъ, является однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человечества».

Недавнія событія подтвердили вѣрность этихъ словъ. Извѣстно, насколько современные народы мало подготовлены къ разрѣшенію жизненныхъ вопросовъ мирными средствами. Великодушное и высоко гуманное предложеніе Его Императорскаго Величества Императора Николая II о сокращеніи вооруженій закончилось созывомъ мирной конференціи въ городѣ Гаагѣ; но не успѣли еще разѣхаться делегаты первой конференціи, какъ началась Англо-бурская война.

Внимательное изслѣдованіе доводовъ *за* и *противъ* войны приводитъ насъ къ заключенію, что война по своей сущности есть зло. Въ зависимости отъ этого, съ точки зрѣнія строгой нравствен-

ности, ее слѣдовало бы признать за безнравственное явленіе. Божественное происхожденіе войны, о которомъ говоритъ Прудонъ, остается громкой фразой, которая не можетъ убѣдить моралиста.

Но этимъ вопросъ не исчерпывается.

Разные народы можно разсматривать, какъ отдѣльные индивидуумы, которые имѣютъ естественныя и законныя права. Законныя права вообще обязуютъ каждого *уважать* и *охранять* ихъ. Слѣдовательно, права всякаго народа, какъ и права отдѣльнаго лица, должны уважаться другими народами. Прежде всего каждый народъ имѣетъ основное право существовать. Отъ этого права происходитъ рядъ другихъ правъ и связанныхъ съ ними интересовъ. *Защита* этихъ народныхъ правъ и интересовъ отъ посягательствъ вполне законна. Съ такой точки зрѣнія война, какъ средство законной защиты, должна быть оправдана. Отсюда слѣдуетъ, что уничтоженіе враговъ на войнѣ считается *правомъ* и *долгомъ*, а не преступленіемъ.

И такъ, первая точка зрѣнія говорить— война есть зло, а послѣдняя добавляетъ— но зло необходимое; оно необходимо для законной защиты, т. е. для защиты законныхъ правъ и связанныхъ съ нимъ интересовъ. Такъ, война за освобожденіе нашихъ порабощенныхъ братьевъ въ Македоніи, сама по себѣ, будетъ зло, но зло такое, которымъ будетъ достигнуто великое добро.

Война есть зло, которымъ защищается добро ¹⁵⁾.

Изъ вышеизложенныхъ разсужденій слѣдуетъ, что назначеніе войскъ содержать въ себѣ нѣчто доброе; а слѣдовательно съ этической точки зрѣнія оправдывается какъ существованіе арміи, такъ и все то, что дѣлается для ея боевой подготовки.

Главное назначеніе арміи есть— защита государства. Это назначеніе проистекаетъ отъ обязанности всякаго народа охранять свои естественныя и законныя права.

Второе назначеніе ея есть защита престола, т. е. прерогативъ короны. Это назначеніе имѣетъ мѣсто въ монархическихъ и конституціонныхъ государствахъ, гдѣ монархъ является главою своего народа. Основною цѣлью этого назначенія войскъ является— охраненіе государственнаго строя.

Правда, съ этической точки зрѣнія, охраненіе существующаго государственнаго строя не имѣетъ силы долга. Государственный

¹⁵⁾ Понятно, что подъ эту формулу не подходятъ войны, которыя ведутся съ завоевательными цѣлями или изъ эгонистическихъ и другихъ мотивовъ.

строй, а вмѣстѣ съ нимъ и прерогативы короны подвергаются измѣненіямъ заодно съ культурнымъ развитіемъ страны: отъ одного строя государство переходитъ къ другому, какъ къ лучшему. Но для развитія народовъ нужна извѣстная внутренняя устойчивость государственнаго организма—вотъ эта именно потребность и сообщаетъ арміи второе ея назначеніе.

Наконецъ, третье назначеніе арміи состоитъ въ томъ, чтобы покровительствовать законамъ въ мирное время, т. е. обеспечивать за ними силу и почитаніе.

Въ связи со вторымъ назначеніемъ арміи, это назначеніе охраняетъ общественный строй отъ потрясеній и, поддерживая спокойствіе въ странѣ, даетъ ей возможность отдаваться своему мирному культурному развитію.

Итакъ, назначеніе войскъ —защитать государство, престоль и законы страны.

Такъ формулировано назначеніе арміи въ основныхъ законахъ государствъ и въ спеціальныхъ военныхъ законоположеніяхъ.

Все сказанное о назначеніи войскъ или арміи относится и къ каждому военнотружущему, входящему въ составъ арміи. Каждый военнотружущій имѣетъ то же назначеніе, какъ вся армія, и называется солдатомъ.

ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА, КАКЪ ВЫРАЖЕНІЕ ВОЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Определеніе военной дисциплины.

Главное условіе, необходимое для того, чтобы войска выполняли свое назначеніе, состоитъ въ томъ, чтобы они были проникнуты духомъ военной дисциплины. Понятіе «военная дисциплина» содержитъ два элемента: во-первыхъ, *знаніе обязанностей* и, во-вторыхъ, постоянное ихъ *исполненіе*. Изъ этихъ двухъ элементовъ послѣдній важнѣе, такъ какъ безъ него дисциплина перестаетъ существовать; иными словами, военная дисциплина есть постоянное и даже привычное исполненіе своихъ обязанностей; безъ подобнаго исполненія обязанностей не можетъ быть и дисциплины.

Такое определеніе военной дисциплины даютъ почти всѣ уставы и авторитетные военные писатели.

«Воинская дисциплина» есть совокупность всѣхъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ *навыковъ*, нужныхъ для того, чтобы офицеры и солдаты всѣхъ степеней отвѣчали своему назначенію» (Ген. Драгомировъ).

«Навыкъ *точно и добросовѣстно* исполнять свои обязанности, т. е. не изъ боязни наказаній или не съ надеждою получить награду, а по внутреннему убѣжденію въ существенной необходимости такого исполненія, называется дисциплиной» (Итальянскій дисциплинарный уставъ).

«Дисциплина есть сочетаніе *вкорененной* подчиненности и *временной* вѣрности долгу и порядкамъ въ арміи» (Австрійскій уставъ).

«Воинская дисциплина состоитъ въ *строгомъ и точномъ соблюденіи* правилъ, предписанныхъ военными законами» (Русскій и болгарскій дисциплинарные уставы).

Но въ обыкновенномъ разговорѣ понятіе «военная дисциплина» не всегда понимается одинаково. Чаще всего оно отождествляется съ карательными мѣрами начальниковъ по отношенію къ ихъ подчиненнымъ. Кроме того, нѣкоторые военные писатели и уставы не согласны въ томъ, исполненіе какихъ именно обязанностей составляетъ военную дисциплину: одни къ дисциплинѣ относятъ подчиненіе, чиновочитаніе, исполненіе служебныхъ обязанностей и соблюденіе порядка, а другіе—только подчиненіе и чиновочитаніе.

Такая разница является слѣдствіемъ стремленія разныхъ авторовъ и уставовъ включить въ сдержаніе военной дисциплины лишь тѣ обязанности, которыя, по ихъ мнѣнію, наиболѣе важны и исполненіе которыхъ скорѣе всего обезпечиваетъ боевую пригодность солдата. Однако, подобное ограниченіе объема обязанностей, исполненіе которыхъ составляетъ военную дисциплину, неправильно. Правда, не всѣ обязанности одинаково важны; но извѣстно, что иногда и маловажныя обязанности становятся очень важными, если обстоятельства, при которыхъ онѣ исполняются, на время повышаютъ ихъ значеніе.

Вотъ почему неумѣстно считать за военную дисциплину исполненіе лишь нѣкоторыхъ обязанностей. Всѣ обязанности солдата должны быть указаны независимо отъ ихъ относительнаго значенія, и, если солдатъ исполняетъ ихъ, онъ дисциплинированъ, а въ противномъ случаѣ онъ не дисциплинированъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ: дисциплину составляютъ не обязанности солдата сами по себѣ, а ихъ прочное и постоянное исполненіе, доведенное, въ чемъ это возможно, до навыка.

Ясное пониманіе смысла этого заключенія представляетъ вопросъ большой важности для воспитателей арміи, такъ какъ оно даетъ нужное направленіе ихъ работъ. Оно требуетъ *прежде всего довести солдата до сознанія своихъ обязанностей*. Посредствомъ этого солдатъ ориентируется въ своемъ поведеніи и такимъ образомъ дѣлаетъ первый шагъ къ дисциплинѣ. Но, конечно, одинъ этотъ шагъ недостаточенъ: можно сказать, что солдатъ дисциплинированъ лишь въ томъ случаѣ, если послѣ этого онъ постоянно исполняетъ свои обязанности.

Такое опредѣленіе настолько приближаетъ понятіе о дисциплинѣ къ понятію о добродѣтели, что оба понятія становятся тождественными. Дисциплинированный солдатъ добродѣтеленъ и, наоборотъ, тамъ, гдѣ мы имѣемъ добродѣтель, мы имѣемъ и дисциплину.

Значеніе идеаловъ для боевой способности арміи.

Побудительная причина (стимуль), овладѣвающая духомъ войска и двигающая его впередъ на полъ сраженія (долгъ, патріотизмъ, преданность Государю, фанатизмъ, мщеніе и пр.), имѣетъ двѣ стороны: 1) само существо этой причины, ея нравственная высота и 2) та энергія (сила), съ которой побудительная причина овладѣваетъ сознаніемъ и волею солдата и проявляется въ его дѣйствіяхъ. Обѣ стороны этой побудительной причины тѣсно связаны между собой, но не одинаково важны.

Какова бы ни была нравственная высота стимула, если послѣдній только дошелъ до сознанія, но не завладѣлъ волею солдата, не вошелъ еще, такъ сказать, въ плоть и кровь солдата, не приобрѣлъ еще достаточной энергіи, то онъ не будетъ надежнымъ двигателемъ духа солдата ни въ обыкновенное мирное время, ни во время войны и въ бою. А безъ духовной энергіи солдатъ совершенно неспособенъ воевать.

Но духовная энергія солдата зависитъ отъ *степени увлеченія его идеаломъ, воодушевляющимъ его на полъ сраженія.*

Чѣмъ болѣе солдатъ увлеченъ, тѣмъ онъ способнѣе проявить энергію въ храбрости, стойкости и самопожертвованіи, какъ въ мирное время, такъ и во время войны.

Увлечение солдата данным идеалом зависит от нравственной высоты самого идеала, а также от особенностей солдата и от его воспитанія.

Нравственные идеалы, которые могли бы побудить солдата проявить на войнѣ большую духовную энергію, различны для различныхъ войскъ; они зависятъ отъ духа народа, отъ свойственныхъ послѣднему нравственныхъ качествъ и отъ преслѣдуемыхъ національныхъ задачъ. Но каковы бы ни были эти идеалы—Вѣра, Царь, Отечество, спасеніе соплеменниковъ, свобода и пр.—они входятъ одинаково въ обязанности солдата и гражданина. Проведеніе этихъ идеаловъ въ толщу народной массы происходитъ съ одной стороны историческимъ путемъ, а съ другой—посредствомъ рациональнаго воспитанія. Разъ солдатъ увлеченъ извѣстными нравственными идеалами, разъ онъ убѣдился въ ихъ величіи, они становятся для него непоколебимыми и постоянными двигателями, становятся ему *привычными*.

Блестящимъ доказательствомъ того, насколько энергія, на которую способенъ солдатъ, тѣсно связана съ его вѣрою въ величіе охватившихъ его идеаловъ, представляютъ событія первой французской революціи. Революція вызвала у французовъ самыя свѣтлыя и самыя заманчивыя надежды на будущее и во французскихъ революціонныхъ войскахъ установился непримѣрный подъемъ духа и безпредѣльная самоотверженность. Первыя неудачи революціонной арміи не только не убили энергіи солдатъ, но, наоборотъ, еще болѣе подняли ее; и, такимъ образомъ, французамъ удалось преодолѣть своихъ многочисленныхъ враговъ. Другой примѣръ представляетъ побѣда молодой болгарской арміи надъ сербской арміей въ 1885 году; главная причина этой побѣды кроется въ высококомъ подъемѣ духа всего болгарскаго народа, боровшагося въ то время за свое національное объединеніе и за свою свободу. Такой же блестящій примѣръ борьбы за свободу представляетъ война буровъ въ Южной Африкѣ.

Привязанность къ идеаламъ бываетъ безкорыстной или же зависитъ отъ какихъ нибудь побочныхъ привлекательныхъ надеждъ, связанныхъ съ достиженіемъ этихъ идеаловъ. До тѣхъ поръ, пока идеалы эти остаются чистыми и незапятнанными, или же до тѣхъ поръ, пока побочныя надежды остаются привлекательными, человѣкъ неустрашимо и безостановочно слѣдуетъ за ними; но разъ авторитетъ идеаловъ подорванъ и запятнанъ, обаяніе ихъ помрачено, или же привлекательность надеждъ улетучилась, настаетъ

горькое разочарованіе, — человекъ перестаетъ воспламеняться своими идеалами и надеждами, начинаетъ относиться къ нимъ пассивно и его энергія падаетъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что упадокъ дисциплины есть слѣдствіе упадка нравственной энергіи, наступающаго, какъ было сказано, когда солдатъ перестаетъ увлекаться своими идеалами и обязанностями, хотя и вполне сознаетъ ихъ. Отъ пассивнаго отношенія къ идеаламъ, отъ неисполненія долга, неизбежно происходитъ упадокъ духа солдата и разрушеніе всѣхъ духовныхъ силъ, связывающихъ армію въ одно цѣлое и дѣлающихъ ее сильной и страшной для враговъ. Такая армія уже неспособна воевать, и рано или поздно ея упадокъ приведетъ къ катастрофѣ или даже къ гибели государства ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ *Генералъ Масловъ* въ своей замѣчательной книгѣ „Научныя изслѣдованія по тактикѣ“, часть II, стр. 89, говоритъ: „Недостатокъ въ нравственныхъ силахъ древнихъ народовъ происходилъ не потому, чтобы они имѣли менѣе высокіе нравственные принципы относительно своихъ враговъ. Нѣтъ, эти принципы въ сознаніи или, вѣрнѣе, въ идеалахъ погибшихъ цивилизованныхъ народовъ были сравнительно очень высоки, но бѣда заключалась въ томъ, что никто этихъ принциповъ не желалъ *выполнять* даже въ обыкновенномъ гражданскомъ быту; въ бою же никакія силы, даже чувство гадливости къ собственному поступку, не могли заставить встрѣтиться лицомъ къ лицу съ опасностью. Благодаря излишеству наслажденій, граждане такихъ народовъ до того разстраивали свои нервы и подрывали свою волю, что уже не могли слушаться совѣсти Вотъ почему даже варвары со своими грубыми, но страстно могучими, нравственными наклонностями оказываются несравненно лучшими бойцами, чѣмъ воины, напримѣръ, грековъ въ эпоху высокаго состоянія у нихъ этическихъ разсужденій, т. е. во времена Платона, Аристотеля, стоиковъ и эпикурейцевъ“.

Le Vol въ своей книгѣ «Lois psychologiques de l'évolution des peuples» (стр. 161), изслѣдуя вопросъ о томъ, какъ исчезали древнія культуры, а вмѣстѣ съ ними и народы, ихъ носители, говоритъ о паденіи Рима слѣдующее: «Во время нашествія варваровъ Римъ стоялъ на высокой степеніи развитія; въ умственномъ отношеніи нельзя даже сравнивать Римъ съ варварами. Какъ разъ въ то время, когда римское общество насчитывало въ своей средѣ больше всего философовъ, артистовъ, литераторовъ и ученыхъ, Римъ уже носилъ въ себѣ зачатки своего будущаго паденія. Почти все то, что создало величіе Рима, относится къ этой эпохѣ его исторіи, т. е. ко времени первыхъ императоровъ и нашествія варваровъ. Но въ то время Римъ уже потерялъ тотъ основной элементъ жизнеспособности, который не можетъ быть замѣненъ никакимъ умственнымъ развитіемъ, — *волю*. Предки тогдашнихъ римлянъ имѣли болѣе ограниченныя потребности, но зато ихъ идеалъ былъ много мощнѣе. Идеалъ этотъ—величіе Рима—владѣлъ вполне ихъ душой, и каждый римлянинъ былъ готовъ пожертвовать ради него своимъ состояніемъ, семьей и жизнью. Но когда Римъ сдѣлался центромъ вселенной, когда онъ сталъ богатѣйшимъ городомъ въ мірѣ, его граждане начали жить въ роскоши и излишествахъ, а величіе перестало ихъ интересовать, какъ прежде Римъ снаружи еще жилъ, но душа его уже давно умерла».

Увлеченіе солдата даннымъ идеаломъ зависитъ отъ нравственной высоты самого идеала, а также отъ особенностей солдата и отъ его воспитанія.

Нравственные идеалы, которые могли бы побудить солдата проявить на войнѣ большую духовную энергію, различны для различныхъ войскъ; они зависятъ отъ духа народа, отъ свойственныхъ послѣднему нравственныхъ качествъ и отъ преслѣдуемыхъ національныхъ задачъ. Но каковы бы ни были эти идеалы—Вѣра, Царь, Отечество, спасеніе соплеменниковъ, свобода и пр.—они входятъ одинаково въ обязанности солдата и гражданина. Проведеніе этихъ идеаловъ въ толщу народной массы происходитъ съ одной стороны историческимъ путемъ, а съ другой—посредствомъ рациональнаго воспитанія. Разъ солдатъ увлеченъ извѣстными нравственными идеалами, разъ онъ убѣдился въ ихъ величіи, они становятся для него непоколебимыми и постоянными двигателями, становятся ему *привычными*.

Блестящимъ доказательствомъ того, насколько энергія, на которую способенъ солдатъ, тѣсно связана съ его вѣрою въ величіе охватившихъ его идеаловъ, представляютъ событія первой французской рѣволюціи. Револуція вызывала у французовъ самую свѣтлую и самую заманчивую надежду на будущее и во французскихъ революціонныхъ войскахъ установился непримѣрный подъемъ духа и безпредѣльная самоотверженность. Первые неудачи революціонной арміи не только не убили энергіи солдатъ, но, наоборотъ, еще болѣе подняли ее; и, такимъ образомъ, французамъ удалось преодолѣть своихъ многочисленныхъ враговъ. Другой примѣръ представляетъ побѣда молодой болгарской арміи надъ сербской арміей въ 1885 году; главная причина этой побѣды кроется въ высокому подъему духа всего болгарскаго народа, боровшагося въ то время за свое національное объединеніе и за свою свободу. Такой же блестящій примѣръ борьбы за свободу представляетъ война буровъ въ Южной Африкѣ.

Привязанность къ идеаламъ бываетъ безкорыстной или же зависитъ отъ какихъ нибудь побочныхъ привлекательныхъ надеждъ, связанныхъ съ достиженіемъ этихъ идеаловъ. До тѣхъ поръ, пока идеалы эти остаются чистыми и незапятнанными, или же до тѣхъ поръ, пока побочныя надежды остаются привлекательными, чловѣкъ неустрашимо и безостановочно слѣдуетъ за ними; но разъ авторитетъ идеаловъ подорванъ и запятнанъ, обаяніе ихъ помрачено, или же привлекательность надеждъ улетучилась, настааетъ

горькое разочарованіе, —человѣкъ перестаетъ воспламеняться своими идеалами и надеждами, начинаетъ относиться къ нимъ пассивно и его энергія падаетъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что упадокъ дисциплины есть слѣдствіе упадка нравственной энергіи, наступающаго, какъ было сказано, когда солдатъ перестаетъ увлекаться своими идеалами и обязанностями, хотя и вполне сознаетъ ихъ. Отъ пассивнаго отношенія къ идеаламъ, отъ неисполненія долга, неизбѣжно происходитъ упадокъ духа солдата и разрушеніе всѣхъ духовныхъ силъ, связывающихъ армію въ одно цѣлое и дѣлающихъ ее сильной и страшной для враговъ. Такая армія уже неспособна воевать, и рано или поздно ея упадокъ приведетъ къ катастрофѣ или даже къ гибели государства ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ *Генералъ Масловъ* въ своей замѣчательной книгѣ „Научныя изслѣдованія по тактикѣ“, часть II, стр. 89, говоритъ: „Недостатокъ въ нравственныхъ силахъ древнихъ народовъ происходилъ не потому, чтобы они имѣли менѣе высокіе нравственные принципы относительно своихъ враговъ. Нѣтъ, эти принципы въ сознаніи или вѣрнѣе, въ идеалахъ погнбшихъ цивилизованныхъ народовъ были сравнительно очень высоки, но бѣда заключалась въ томъ, что никто этихъ принциповъ не желалъ *выполнять* даже въ обыкновенномъ гражданскомъ быту; въ бою же никакія силы, даже чувство гадливости къ собственному поступку, не могли заставить встрѣтиться лицомъ къ лицу съ опасностью. Благодаря излишеству наслажденій, граждане такихъ народовъ до того разстраивали свои нервы и подрывали свою волю, что уже не могли слушаться совѣти Вотъ почему даже варвары со своими грубыми, но страстно могучими, нравственными наклонностями оказываются несравненно лучшими бойцами, чѣмъ воины, напримѣръ, грековъ въ эпоху высокаго состоянія у нихъ этическихъ разсужденій, т. е. во времена Платона, Аристотеля, стоиковъ и эпикурейцевъ“.

Le Von въ своей книгѣ «Lois psychologiques de l'évolution des peuples» (стр. 161), изслѣдуя вопросъ о томъ, какъ исчезали древнія культуры, а вмѣстѣ съ ними и народы, ихъ носители, говоритъ о паденіи Рима слѣдующее: «Во время нашествія варваровъ Римъ стоялъ на высокой степени развитія; въ умственномъ отношеніи нельзя даже сравнивать Римъ съ варварами. Какъ разъ въ то время, когда римское общество насчитывало въ своей средѣ больше всего философовъ, артистовъ, литераторовъ и ученыхъ, Римъ уже иносилъ въ себѣ зачатки своего будущаго паденія. Почти все то, что создало величіе Рима, относится къ этой эпохѣ его исторіи, т. е. ко времени первыхъ императоровъ и нашествія варваровъ. Но въ то время Римъ уже потерялъ тотъ основной элементъ жизнеспособности, который не можетъ быть замѣненъ никакимъ умственнымъ развитіемъ, — *волю*. Предки тогдашнихъ римлянъ имѣли болѣе ограниченныя потребности, но зато ихъ идеаль былъ много мощнѣе. Идеаль этотъ—величіе Рима—владелъ вполне ихъ душой, и каждый римлянинъ былъ готовъ пожертвовать ради него своимъ состояніемъ, семьей и жизнью. Но когда Римъ сдѣлался центромъ вселенной, когда онъ сталъ богатѣйшимъ городомъ въ мірѣ, его граждане начали жить въ роскоши и излишествахъ, а величіе перестало ихъ интересовать, какъ прежде Римъ снаружи еще жилъ, но душа его уже давно умерла».

Классификація обязанностей солдата.

Солдатъ, какъ человѣкъ и какъ членъ арміи, имѣетъ цѣлый рядъ обязанностей. Принимая за исходную точку отношеніе солдата къ другимъ людямъ и къ самому себѣ, обязанности его можно раздѣлить такъ:

1) Обязанности солдата по отношенію къ другимъ людямъ — военно-общественная нравственность (сюда относятся обязанности по отношенію къ товарищамъ и равнымъ себѣ, къ начальникамъ, къ подчиненнымъ, къ Государю, къ населенію своей страны, къ неприятелю и къ населенію неприятельской страны);

2) Обязанности солдата по отношенію къ Богу—религіозная нравственность;

3) Обязанности солдата по отношенію къ самому себѣ—личная нравственность.

Каковы бы ни были обязанности солдата, онѣ всѣ должны исполняться. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что всѣ обязанности солдата, а, слѣдовательно, и всѣ нарушенія ихъ, одинаково важны. Такъ напримѣръ, напиться, пьянымъ и не исполнить приказанія своего начальника—это два поступка неравносильные, такъ какъ происходятъ отъ нарушенія двухъ неодинаковыхъ обязанностей. Кромѣ того, что обязанности бываютъ неодинаковой важности, онѣ могутъ быть еще противоположны одна другой. Солдатъ часто можетъ быть поставленъ въ необходимость сдѣлать выборъ между двумя противоположными обязанностями—пренебречь одной, чтобы выполнить другую.

По правилу Фенелона ¹⁷⁾, та обязанность важнѣе, которая относится къ большему числу людей: выше обязанностей по отношенію къ самому себѣ стоятъ обязанности по отношенію къ семьѣ и обществу; еще выше—обязанности по отношенію къ отечеству и еще выше ихъ обязанности по отношенію къ человѣчеству.

Правило Фенелона не теряетъ своего значенія и съ точки зрѣнія чисто военной; но существуетъ одно обстоятельство, которое

¹⁷⁾ Фенелонъ (1651—1715)—знаменитый французскій архіепископъ, извѣстный какъ духовный ораторъ, педагогъ и писатель. Авторъ замѣчательнаго сочиненія „*О воспитаніи дѣвѣцъ*“. На него было возложено обученіе и воспитаніе тогдашняго престолонаслѣдника Франціи. Онъ выполнилъ съ успѣхомъ это обученіе, вопреки своенравію, жестокости и упрямству своего воспитанника. Для того, чтобы повѣдать на своего воспитанника, онъ написалъ превосходную книгу „*Телемакъ*“ вызвавшую неудовольствіе придворныхъ, которые приняли ее за сатиру, направленную противъ короля и его управленія.